

Потаенный Шолохов

Николай ВОРОНОВ

Его последнее крупное произведение остается тайной за семью печатями

Окончание. Начало в № 137, 138.

1938 ГОД. Посадили мальчика четырнадцатилет Тютку, Платошу, сына писателя Андрея Платонова. К счастью, у Андрея и Марии, его жены, было на кого уповать: смолodu они дружили с Михаилом Шолоховым, который как писатель теперь уж у всех на виду и к тому же депутат Верховного Совета СССР. Подразумевалось, ясно, в этих горестных обстоятельствах прежде всего то, что он вхож к всемогущему Сталину.

Многомерная независимость Платонова

О двух попытках Шолохова выволотить через Сталина оттуда Тютка-Платона рассказывал мне критик и редактор Игорь Александрович Сац. Для Саца был высококонтактным талант Андрея Платонова! Вкупе с несколькими членами редколлегии журнала «Литературный критик» он прорвал блокаду непечатания, созданную вокруг Платонова после того, как увидели свет рассказ «Усомнившийся Макар» и повесть «Впрок»: они опубликовали два его рассказа в 1936 году, за что печать и партийное чиновничество подвергли «Литературный критик» грозной проработке.

Для Шолохова не было секретом преступное угодничество Сталину, который в свое время взбеленился сперва после появления «Усомнившегося Макара», потом – после «Впрок». Блокада Андрею Платонову могла быть организована по указанию Сталина, арест мальчонки наверняка угодничество коллосу. Не исключал Шолохов казематного наказания сыну Платонова за то, что отец продолжал писать в духе своей прежней многомерной независимости, не поддающейся напрямую социально-классовому осознанию, как хотелось бы вседержателю, о чем Шолохову было ведомо на собственном опыте.

Кстати, президент Академии наук СССР, создатель оптической физики Сергей Вавилов не решился обратиться к властям предержащим, когда был посажен его старший брат Николай Иванович Вавилов, великий естественный философ, первый президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. На фоне тогдашних робости, заганности, опасно-бессмысленного риска заступничества Михаила Шолохова за Платона Платонова выглядит сегодня как великанская доблесть. Оглядываясь на его произведения, постигаешь нравственную истину: ум уметь выверять судебные шаги своих героев, но собственные шаги на грани катастрофы не выверляло даже его невероятной чуткости сердце. Он, как водится между сокровенными друзьями, помогал семье Андрея Платонова материально. А чтобы эту помощь подзапретному Платонову проявить полномочней, дал свое имя на издание русских сказок, обработанных Андреем Платоновичем. Это, конечно же, доходило до вездесущих выслеживателей, взвизгивало их против Шолохова. Легенда о полной защищенности Шолохова от посадки, подобно легенде об открытом счете в государственном банке, свидетельствует не столько об умилительной наивности, присущей россиянам издревле, сколько о доверии к чужеродной психологии, крупно расцвешенной в правящих бастионах с времен Петра I и достигшей яростно-истребительной зрелости после Октября и продолжавшейся теперь.

На приеме у вождя народов

И вот Шолохов с заступничеством за Тютку, Платона Андреевича Платонова у Сталина. Сталин позвонил наркомом внутренних дел Ежову. Нарком его информирует: маль-

чишка работал на шесть-восемь иностранных разведок, ведем следствие. Обвинение чудовищно, насквозь ложно, Михаил Александрович негодует. Платоша рос на его глазах, он ручается головой: ничего подобного за ним не может быть. Сталин указывает наркомку на ручательство Шолохова, предлагает ускорить следствие, разобраться и отпустить ребенка. Дело, однако, затягивается, и Шолохов опять на приеме у отца народов. Руководит НКВД уже Лаврентий Берия. Сталин приказывает Лаврентию, чтобы привез в Кремль дело сына Платонова. Берия привез папку, а папка-то пустая, ни одного листика. И снова вроде бы жесткое требование Сталина: разбираться и отпустить. А мальчик Платон к тому времени осужден и уродуется в шахтах под Норильском. Возвращается он туберкулезником и настолько изможденный, что легок, тонко перышко. От обожания и жалости отец носит Тютку на руках, баюкает, обещает вылечить. Но даже Крым, где туберкулезники излечивались или надолго крепили, не помог Платону. Он умер и погребен на Армянском кладбище, там же похоронен и Андрей Платонович, заболевший туберкулезом не на фронте, как об этом, скрывая истину, писали исследователи его творчества, а от сына. И не просто туберкулезом он заболел, а миллиардным, неисцеляемым для той у нас беспрецедентной поры. Что узналось позже о том, почему посадили Платона Платонова? После второго посещения Сталина Михаилом Шолоховым к Платоновым заходил сотрудник НКВД, которому поручили следствие. Он рассказал им, что нашел письмо школьного товарища Тютки. Тютка и этот товарищ были влюблены в одну девочку. Между прочим, в девушку Машу Кашин-

цеву, она учительствовала в деревне Волошино под Воронежем, были влюблены два молодых писателя: Андрей Платонов и Михаил Шолохов. А сердце и жизнь она отдала Андрею. Следовательно был доверителем с Платоновыми: соученик написал на Платона донос. Они-де, группа ребят, решили отомстить Сталину за Тюткиного отца, достали малокалиберку, из которой собирались застрелить Сталина во время демонстрации. Следователя, обнаружившего письмо, вскоре не стало: разрыв сердца. Игорь Сац мне говорил, будто бы Тота освободили после второго хождения Шолохова. Предлагалось, что перерасследование привело мальчишку к оправданию. Однако в действительности Платона сактировали, то есть списали по акту за ненадобностью. Разумеется, этого бы не произошло, если бы не Шолохов: так и погиб бы Платон, долбая руду для Норильского комбината. За намерение убить узурпатора было осуществлено наказание дуэлетом: смертельно ранили и сына, и отца.

В первом случае любовь (Шолохов!) воплотилась в сверххристовское заступничество и благородство, во втором случае (школьник!) любовь обернулась преступной ревностью. В разные годы вводил меня в мир отдельных тягот и тайн Михаила Шолохова редкий знаток русской словесности, публицист, ответственный ученый сектора языка и литературы Академии наук СССР Александр Иванович Овчаренко.

Если по межгороду звонили Шолохову в станицу, трубку поднимал секретарь Ростовского обкома по агитации и пропаганде. Где-то, пожалуй, в конце семидесятых годов съездил Овчаренко к Михаилу Александровичу в гости, за что его пытались вздрючить цеклисты. Они якобы оберегают священное

время и здоровье гордости советской литературы и впрямь найдут способ покарать за самовольство.

Щукаринная хитринка

Но оборачивалась ли охрана шолоховского покоя телефонной и прочей блокадой? Мне вспомнился 1958 год. Нева взымывала льды. Дом графа Шереметева, где располагалась Ленинградская писательская организация, принимал сорок лучших новых прозаиков России.

Неистово, бережливо, мудро обсуждались на семинарах их рукописи и книги. Вели семинары Леонид Соболев, Вера Кетлинская, Владимир Лидин, Гавриил Тропопольский... Перерыв. Мы, подложные семинаристок и семинаристов, подсели на диван-огромину к очеркисту Борису Галину. Прозаику-сверстнику Сафонову, вроде из Тамбова, вздумалось нас фотографировать. Едва он вернулся на диван, я внезапно увидел около стены напротив Михаила Шолохова. Он был в простецком темном костюме, подхватливо обозначавшем его по-июношески поджарую фигуру. Резче всего запечатлелись волнистость и пообкромсанная прическа и ему лишь присущая горбинка носа. Не от себя ли взял нос для Григория Мелехова? Уж если судьбу родной матери влил в судьбу Аксиньи, то почему бы не передать столь примечательную особенность собственного лица любимому герою? Да только ли черту лица? Наверняка передаст ему натуру свою, свой мятущийся дух, свое видение российских событий, запечатленных в неисповедимую трагедию, которая даже не могла принисниться доисторическим бесам в их кровавых замыслах, поступках, фантазмагориях.

Я подошел к Михаилу Александровичу, напомнил о встрече в консерватории перед говорильней в честь сталинского юбилея. Он чутьно улыбнулся. Тому ли улыбнулся, что вырыкнул щукаринную хитринку, чтобы не выступать, тому ли, что он не мог запомнить то, что мне запомнилось? Дабы он не отборившись от выступления здесь, я посетовал на то, что он так и не выступил ни тогда, ни после в Литературном институте. Вместо ответа он приклонил голову и во всю ширину развел руки, и я углядел по два товарища по сторонам от него. Все малоотличимые друг от друга, все в масть ему костюмами, да не встать ему и притом в глумом контрасте с его страдальческим образом. Он промолвил, что приехал в журнал «Нева» к Сергею Ворониному, и кабы не заботы, связанные с подготовкой рукописи к печати, то преодолел бы стесняющие обстоятельства и выступил. Я кивнул. Сожаление встретило плечи Шолохова. Он ушел, как учитель, загражденный плотным сопровождением.

В ту пору советская печать начинала брюзжать на Максима Горького за сидение на Капри. Страна ворочалась в социально-политических конвульсиях, а он благоденствовал, влюблялся, слал восторженные письма рабоче-крестьянским корреспондентам и литературным адресатам. Но в ту же пору, проламываясь сквозь цензуру, прежде всего в журнале «Новый мир» Александра Твардовского, торил свой путь правда о том, как по возвращении Горький был обложен служашими наркомом ГПУ-НКВД Генриха Ягоды, обложен невпродух, внепродух, смертнугой. Когда Платонов пришел к Горькому для разговора о романе «Чевенгур», ему показалась странной жалоба великого писателя на квартиру, где он жил: «Эта такая, знаете ли, квартира, что войти в нее еще можно, а выйти трудно». Веривший во всемогущие Горького Платонов посо-

ветовал сделать новый вход в капитальной стене. Громадный мастер иносказаний Платонов не сразу понял метафорический намек Алексея Максимовича, который завел жалливую речь о доме, куда войти еще можно, а выйти трудно. Под домом Горький подразумевал не просто свою квартиру, а страну в целом, куда он опрометчиво вернулся, но откуда ему выхода не было.

В особняке С. П. Рябушинского, куда его перевели, у калитки дежурил чекист, у двери кабинета сидел другой чекист; стоило Алексею Максимовичу выйти из кабинета, этот околдованный чекист мигом заскакивал в кабинет и фотографировал то, что находилось на письменном столе. Доблестный и полный могучих творческих сил Платонов верил, что имеется вероятность прорубиться из диктаторского затвора к истинной социалистической свободе, чего в надеждах Горького почти не оставалось, ибо его длительный опыт наблюдения за большевистскими верховодами, включая самого Ленина, с которым он яростно сбился в письмах из-за кровавого революционного террора, открывался казематным отчаянием. После встречи с Шолоховым в Шереметевском дворце я не мог не соотносить его плен с пленом Алексея Максимовича Горького и не мог не думать о заложниках собственного гения, какими, кроме них, были Николай Гумилев, Николай Клюев, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Павел Васильев, Александр Твардовский...

Спрятанный роман

В пору незакатной долгой старости Леонид Леонов творил свой роман-громадину «Пирамида» и, по счастью для нашей литературы, завершил его. И Шолохов долгое время творил свой новый, необязательный роман, о чем я узнал от того же Александра Овчаренки, друга обоих великих писателей. Почему-то Александр Иванович облекал меня завещательным доверием, рассказывая о Шолохове и Леонове.

Овчаренко не привел названия спрятанного Михаилом Шолоховым последнего романа. А спрятал Шолохов три экземпляра романа либо до сорры с Л. И. Брежневым, либо после нее, а один экземпляр – в местности, сопредельной своему охотничьему домику в Казахстане. Едва умер маршал Георгий Константинович Жуков, тотчас был арестован его архив. Михаил Александрович наверняка не исключал посмертного молниеносного налета на свой архив. Гени идеологии среднего звена ЧК нашей партии (некоторые из них служили не только в Центральном Комитете КПСС, но и Комитете государственной безопасности) примчались в Вешенскую якобы на похороны и злобно досадовали, но обнаружили ничего в кабинете маршала русских языковых стихий.

Теперь о спрятанном романе. Шолохов ехал в Москву. Попутчицей по купе оказалась пожилая женщина из руководства главного архивного управления страны. Он, естественно, проявил интерес к содержанию архива. Предпологалась скудость архивных документов и свидетельств с точки зрения эпохальной правды. Однако попутчица раскрыла перед Шолоховым обильное содержание архива, недоступное для большинства людей по запретам и установлениям секретности. Они подружились, и Шолохов получил от нее материалы, насыщенные ему ради свежего материального замысла. По мнению Овчаренки, новый роман Шолохова значительней, чем «Тихий Дон». Кому и когда Михаил Александрович доверил обнаружить итоговый свой роман, открывается в завещанную пору. Не исключено, что примером ему послужил Александр Пушкин, спрятавший на Дону «Сафьяновую тетрадь»

О вселенной великого писателя

В столичном издательстве «Алгоритм» вышла книга «Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия»

ЕЕ АВТОР – известный исследователь шолоховского творчества, доктор филологических наук Виктор Петелин. Его «Энциклопедия...» – своеобразный итог более чем полувековой работы над этой темой.

Полностью вселенную творчества Шолохова объять никому не удастся, и поэтому основное внимание в «Энциклопедии...» уделено двум крупнейшим и главным его произведениям: романам «Тихий Дон» и «Поднятая целина», – заявил Виктор Васильевич в интервью газете «Завтра», главному редактором которой является Александр Проханов.

В «Энциклопедии...» подробно говорится о многогранных проблемах «Тихого Дона», о сотнях персонажей романа, от Абрамсона до Янова, в алфавитном порядке расположились и «Вешенское восстание» и «рассказывание», и «Исторические источники романа», и «Критики и литературоведы о «Тихом Доне», и «Мелеховы», и «Первая мировая война», и «Соавторы романа», и «Творческая история

«Тихого Дона», и «Февральская и Октябрьская социалистическая революции в Тихом Доне», и «Фольклор в романе», и «Цензура в романе».

По мнению автора, «Тихий Дон» – это ни с чем не сравнимое произведение, в котором выражена целая эпоха с ее социальными, нравственными и психологическими противоречиями и конфликтами. Эта эпоха предстает здесь во всей сложности, пестроте и разнообразии человеческих судеб, на протяжении классовых столкновений, трагичности заблуждений. Революционное и контрреволюционное, случайное и закономерное, стихийное и сознательное, трагическое и комическое, прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное – все это ярко воплощено в романе.

Виктор Петелин рассказывает, что с неизменным интересом знакомится с новыми изданиями «Тихого Дона». Естественно, заинтересовался и первым постсоветским изданием «Тихого Дона» – 2001, опубликованном на средства премьер-министра Виктора Черномырдина и посвященном 100-летию со дня рождения М. Шо-

лохова. Текст этого издания был подготовлен родственниками писателя и А. Стручковым под общей редакцией А. Стручкова и С. Шолоховой.

Редактора и текстолога А. Стручкова тогда подверг критике ряд литературных изданий: почему это он, «новичок в шолоховедении», посмел вторгаться в тексты лауреата Нобелевской премии.

Недавно средства массовой информации – и по телевидению и в газетах – оповестили широкую аудиторию о выходе нового издания «Тихого Дона». В предисловии к нему высказывается мысль о том, что прежние издания романа существенно отличаются от авторского текста, что они «обсечены» редакторами, а значит, чтобы восстановить истинный «Тихий Дон», – надо вернуться к шолоховским рукописям. Между тем, «обсеченный» «Тихий Дон» вошел в золотой фонд отечественной литературы, получил Сталинскую премию первой степени, был удостоен и Нобелевской премии, он по праву считается одной из вершин всемирной литературы. В свое время, отвечая на вопрос корре-

спондента «Известий», менялся ли план его романа, Шолохов сказал: «Только детали, частности. Устранялись лишние эпизодические лица. Приходилось кое-чем теснить себя. Посторонний эпизод, случайная глава – со всем этим пришлось в процессе работы распрощаться» («Известия», 1937, 31 декабря).

У Виктора Петелина отношение к публикации постсоветского «Тихого Дона» по рукописям сложное и противоречивое.

Появились новые литературоведы-шолоховеды, которые пока ничего нового в изучении творчества Михаила Александровича Шолохова не дали: или повторение пройденного, или что-то вроде «отсебятины», – заявил он на страницах прохановской газеты «Завтра».

Маститый шолоховед развенчивает критиков, не раз писавших о «скромности» замысла романа «Поднятая целина». Они пытаются уверить читателей, что роман написан с позиции коммунистической партийности, которая ограничивала писательскую волю, поэтому по сути роман является политической однодневкой, а советские

писатели чуть ли не все вышли из «Поднятой целины».

В «Энциклопедии...» Виктора Петелина «Поднятая целина» представлена во всем ее многогранном значении и к социалистическому реализму не имеет никакого отношения.

Критики, ученые словно бы не замечают, что этот роман посвящен вроде бы добровольной, но насильственной коллективизации, о чем свидетельствуют многие эпизоды, а сегодняшние критики стараются представить роман как торжество колхозной жизни. Петелин цитирует одного из проницательных писателей Владимира Максимова, который в статье «Человек и его книга» (к 85-летию со дня рождения М. А. Шолохова) сказал следующее: «Как будто бы апологетизируя коллективизацию, автор, тем не менее, рассказывает о ней такую беспощадную правду, да еще (я на этом настаиваю!) ее не поднял на один ее современный летописец. И кто знает, может стать, не в социальных максимумах Давыдова и Нагульнова, а в размышлениях Половцева по-настоящему выражена ав-

торская позиция тех лет?» («Континент», 1990. № 65, с. 367).

В книге много страниц, раскрывающих борьбу М. Шолохова против репрессивного аппарата. В главе «Вокруг меня все еще летит черную паутину враги» знаменитый писатель описывает борьбу за арестованных коммунистов, которых хорошо знал и с которыми дружил, интересен рассказ о встречах со Сталиным, письмах Сталину, ярких и бескомпромиссных, участии Шолохова в заседаниях Политбюро. Виктор Петелин с сожалением констатирует, что по финансовым соображениям издатель отказался от публикации очень серьезной части книги «Круг лиц друзей, писателей, актеров и актрис, общественных и политических деятелей».

Эссе Николая Павловича Воронина «Потаенный Шолохов», публикацию которого мы завершаем сегодня, безусловно, пополнит вклад в сокровищницу необъятной палитры гениального классика русской и советской литературы

СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ,
член-корреспондент
Академии литературы
Российской Федерации

«Тихий Дон» – это ни с чем не сравнимое произведение, в котором выражена целая эпоха